

**Лозунг освобождения греков
в межгосударственных отношениях
Восточного Средиземноморья (III — II вв. до н. э.).**

Проблема «освобождения греков» в эпоху эллинизма не осталась без внимания исследователей: отдельные ее аспекты детально рассмотрены западными (М. Олло, А. Хойсс, М.-Л. Хайдемани, Э. Бэдиан, Э. Грюн) и советскими (А. Б. Ранович, Ю. Е. Журавлев) антиковедами. Однако считать ее окончательно решенной преждевременно; в частности, не исследован достаточно полно вопрос о месте лозунга освобождения греков в системе средств дипломатии, межгосударственных отношений в период позднего эллинизма. Одни современные авторы переоценивают значение этого лозунга (так, Ю. Е. Журавлев считает его этапом во внешней политике Рима¹), другие принижают его роль в международных отношениях (например, Эрих Грюн, который рассматривает лозунг освобождения греков лишь как средство дипломатии²).

Появление и широкое распространение в эллинистическом мире лозунга освобождения греков связано с кардинальной проблемой эпохи — проблемой взаимоотношения полиса и монархии. В условиях возросшего военно-политического значения территориальных монархий в греко-эллинистическом мире полисы потеряли прежнюю независимость. Однако иллюзии греков о возможности свободы полисов сохранились.

Так было не только в период борьбы диadoхов за власть, но и в более позднее время. Немало выразительных примеров того, как греки ценили свою свободу в конце III — начале II в. до н. э., приводит Полибий. Одним из них является речь Агелая при заключении мира в Навпакте в 217 г. до н. э. Обращаясь к македонянам, этолийский стратег призывает завершить союзническую войну. В уста именно этого оратора Полибий вкладывает знаменитую метафору о «поднимающихся с запада (αλο της σπληρας) тучах (νεφη)» (Polyb. V. 104. 10). Под этими тучами подразумеваются, по-видимому, не только римляне, но и карфагеняне: кто бы из них ни победил, они не будут довольствоваться Италией, а устремят свои

¹ Журавлев Ю. Е. Лозунг борьбы за свободу греков в римской политике 90-х гг. II в. до н. э. // Проблемы всеобщей истории. М., 1974. С. 299.

² Gruen E. S. The hellenistic world and the coming of Rome. Berkeley a. o., 1984. V. 1. P. 132—157.

взоры на восток и попытаются положить конец греческой свободе. Против этой самой страшной для греков опасности — потери свободы — и выступает Агелай. Он призывает греков к бдительности и единению под руководством Филиппа (Polyb. V. 104).

Полибий в качестве критерия для оценки столь сложного и распространенного в его время явления, как предательство, указывает пограние в корыстных интересах законов (*νόμους*), лишение сограждан свободы (*τὴν ἐλευθερίαν*) и вольностей (*λαρρησίαν*) — (Polyb. XVIII. 14, 9).

Таким образом, возникшее противоречие между реальной потерей полисной свободы и иллюзией ее обладания в сознании греков создало основу для широкого распространения пропагандистского лозунга освобождения. И эллинистические правители действительно широко использовали его в политической борьбе друг с другом.

Усилиями ряда западных антиковедов³ доказаны эллинистические истоки лозунга освобождения, используемого римлянами. В результате сложилась определенная схема того, как применялся этот лозунг. Основные элементы ее следующие:

1) диадохи первыми применили его; здесь называются обычно имена Антипатра, Полиперхонта, но особенно часто — Антигона и Деметрия, использовавших лозунг против Кассандра;

2) затем его применили римляне в своей внешней политике;

3) в борьбе с ними Антиох III обращается к лозунгу освобождения греков как к контрпропагандистскому средству;

4) и, наконец, как только римляне отказываются от этого лозунга, он сходит с арены международных отношений.

Эта схема, которой нельзя отказать в четкости, переходит из одной исследовательской работы в другую и уже давно стала общим местом, однако она значительно упрощает и даже искажает историческую реальность. На самом деле лозунг освобождения греков использовался во взаимоотношениях эллинистических государств и греческих городов на протяжении всего III в. до н. э. Нарративные источники, правда, не

³ См.: Gruen E. S. Op. cit. V. 1. P. 133—142; Petzold K.-E. Die Eröffnung des zweiten römisch-makedonischen Krieges. B., 1940. S. 37; Sherwin-White A. N. The Roman citizenship. 2-nd ed. Oxford, 1973. P. 175—176; Taubler E. Imperium Romanum. Leipzig, 1913. Bd. 1. S. 434—436.

дают почти никакого материала; но надписи убеждают в том, что в первые три четверти III в. и Птолемен (Птолемей II и Птолемей III) и Селевкиды (Селевк I, Антиох I и Антиох II) применяли в качестве технических терминов такие, как *ελευθερία*, *αυτονομία*, *δημοκρατία*, *αφορολογία*⁴. Дело здесь не только в терминах; хотя эпиграфические свидетельства очень фрагментарны, за ними прослеживается вполне определенная внешнеполитическая реальность, в которой лозунг освобождения занимал прочное место.

Иначе обстоит дело с материалом о лозунге освобождения у Антигонидов. В надписях III в. до н. э. не удалось обнаружить почти ничего; исключение, казалось бы, составляет политика Филиппа V. Вероятно, объяснение этому следует искать в степени полноты нарративных источников по истории эллинистического мира III в. до н. э. Можно предположить, что если бы сохранились более полно сочинения античных авторов по истории этого периода, мы имели бы дополнительный материал о распространении лозунга освобождения греков в политической практике эллинистических правителей.

Данные Полибия и некоторые надписи позволяют судить о довольно активной пропагандистской политике Филиппа V в области освобождения греков. Разместив в Лисимахии гарнизон, македонский царь заявил, что сделал это не ради угнетения ее народа, но для его защиты (Polyb. XVIII. 4, 5—6). Еще в 218 г. до н. э. Филипп попытался заключить союз с элейцами, пообещав защитить их от внешних врагов и дать свободу по уже ставшей классической формуле: они должны быть свободны (*ελευθεροῦς*), избавлены от гарнизонов (*αφρουρητοῦς*) и уплаты подати (*αφορολογητοῦς*) и жить по своим государственным установлениям (*τοῖς ἰδίοις πολιτεῦμασι* — Polyb. IV. 84, 5). По-видимому, македонский царь добивался присоединения Элиса к симмахии⁵, но попытка эта не увенчалась успехом (Polyb. IV. 84, 6—9). Позже, в 203 г. до н. э., жители Фасоса сдали город Филиппу в ответ на его предложение освободить их от гарнизона, выплаты дани и предоста-

⁴ См., например, Syll.³ 434, l. 13—18; Syll.³ 463, l. 5—6; Syll.³ 390, l. 12—15; OGIS, 45, l. 13—15; OGIS, 222, l. 15—18; OGIS, 223, l. 21—28; OGIS, 226, l. 5—7; OGIS, 228, l. 7—9; OGIS, 229, l. 7—12, 67—68. Cf. Gruen E. S. Op. cit. P. 138—140.

⁵ Walbank F. W. Philip V of Macedon. Hamden, 1967. P. 49.

вить им возможность жить по собственным законам (γομοισ... τοισ ιδιοισ — Polyb. XV. 24, 2—3). По всей вероятности, македонский правитель не воздержался от пропагандистских заявлений и когда приказал выкупить из рабства димеев, захваченных в плен римлянами в ходе первой римско-македонской войны, и вернул гражданам Димы не только свободу (libertatem modo), но и родину (patriam — Liv. XXXII. 22, 10). Около 201 г. до н. э. он отправляет на остров Нисирос письмо, обещая его жителям, что они будут жить по отеческим законам (γομοισ τοισ πατριοισ — Syll³ 572, 11. 16—20)⁶. Примечательно, что все эти примеры относятся ко времени, предшествовавшему самому первому обращению римлян к лозунгу освобождения греков.

Можно утверждать, что этот лозунг стал характерным и весьма устойчивым элементом в системе взаимоотношений эллинистических государств на протяжении всего III в. до н. э. И произошло это потому, что он был тесно связан с политическими и идеологическими реалиями эпохи.

Попытки найти нечто подобное в римской внешнеполитической истории до 200 г. до н. э. оказались безрезультатными⁷. Когда развитие восточной политики Рима привело его к столкновению с эллинистическими государствами, римляне стали свидетелями широкого использования лозунга освобождения. Здесь закономерно встает вопрос: почему римский сенат взял на вооружение этот чисто греческий (или, точнее говоря, эллинистический) лозунг как пропагандистское средство во внешней политике? И почему это произошло именно в ходе второй римско-македонской войны? Ответы на эти вопросы, видимо, следует искать в отношении греков к римлянам вплоть до второй войны Македонии с Римом. Интересный материал есть у Полибия.

Раньше была упомянута речь этолийского стратега Агелая в Навпакте: в ней римляне рассматриваются как потенциальные поработители Эллады.

В 210 г. до н. э. в ходе первой римско-македонской войны на народном собрании в Спарте этолиец Хленей убеждает лакедемонян в необходимости присоединения к этолийско-

⁶ Cf. Gruen E. S. Op. cit. P. 141; Heidem ann M.-L. Die Freiheitsparole in der griechisch-römischen Auseinandersetzung (220—188 v. Chr.). Bonn. 1966. S. 12.

⁷ Gruen E. S. Op. cit. P. 133, 143—145.

римской коалиции. Его важнейшие аргументы — это резко негативное изображение политики македонских царей, в частности, Филиппа V (Polyb. IX. 28; 29; 30, 1—2) и македонян вообще (Ibid. IX. 29, 12). Хорошая возможность для выступления с проримской речью здесь оказалась неиспользованной⁸.

Зато противник Рима акарнанский посол Ликиск, выступавший на том же собрании, что и Хленей, рисует яркий и выразительный портрет римлян, не жался при этом темных красок: они — варвары (Polyb. IX. 37, 5), с которыми неприменительно заключать союз (συμμαχίαν — IX. 38, 5). Если война между греками есть состязание за славу и превосходство, война римлян с греками имеет целью порабощение эллинов (IX. 39, 3). Оратор приводит конкретные факты грубости и жестокости римлян⁹.

Примерно так же характеризует римлян и представитель нейтрального государства — Родоса — Фрасикрат, выступающий в 107 г. до н. э. в этолийском собрании с целью склонить этолян к миру с Филиппом (Polyb. XI. 4—6).

Таким образом, речи эллинов, представленные у Полибия, свидетельствуют о негативном отношении греков к римлянам¹⁰. Это отношение сводится к двум характеристикам: 1) римляне — варвары; 2) они стремятся поработить Элладу. Можно предположить с большой долей уверенности, что о таком отношении греков в римском сенате было известно. Римскому руководству для достижения дипломатического и военного успеха в bellum Philippticum — в этой весьма важной для Рима войне — необходимо было предпринять такие шаги, которые помогли бы снять негативное отношение к ним греков или, по меньшей мере, его нейтрализовать. И тогда, по-видимому, римский сенат обращается к лозунгу, столь близкому и понятному каждому греку. Он оказался очень удобным, ведь под его прикрытием можно было проводить прежнюю внешнюю политику, не меняя существенно ее принципы. Содержание лозунга не противоречило содержанию ультимативных требований, предъявленных Филиппу накануне второй римско-македонской войны (Polyb. XVI. 27, 2; 34, 4), напротив, вытекало из них и было логическим их про-

⁸ Ibid. P. 322; Heidemann M.-L. Op. cit. S. 15.

⁹ Heidemann M.-L. Op. cit. S. 16—17.

¹⁰ Cf. Gruen E. S. Op. cit. P. 323—325; Heidemann M.-L. Op. cit. S. 17—19.

должением¹¹. Тот факт, что римляне воспользовались греческим лозунгом, свидетельствует о внешнеполитической гибкости римского сената, его умении приспособливаться к конкретным условиям места и времени.

М.-Л. Хайдеманн, специально занимавшаяся этим вопросом, убедительно показала, что римляне не сразу пришли к той формуле освобождения греков, которая была провозглашена на Истмийских играх в 196 г. до н. э.¹² Римская концепция освобождения складывалась в ходе военной и дипломатической деятельности Тита Фламиния в 198—197 гг. до н. э. Взяв на вооружение эллинистический лозунг, римляне оставили его содержание в сущности неизменным. На Истмийских играх проконсул Тит Фламиний от имени сената и римского народа объявил, что греческие города должны быть свободны, лишены гарнизонов, освобождены от подати, управляться по своим собственным законам: как передает Полибий, ελευθεροῦς, ἀφροουρητοῦς, ἀφορολογητοῦς, νομοῖς ἑσόμενοι τοῖς πατρίοις (XVIII. 46, 5); Тит Ливий дает еще более лаконичную форму освобождения: *liberos, immunes, suis legibus esse* (XXXIII. 32, 5). Радость была всеобщей (Polyb. XVIII. 46, 6—15; Liv. XXXIII. 32, 6—33, 8; Appian. Mac. 9, 4; Plut. Tit. 10, 4—11, 4). Провозглашение вызвало у греков удивление и ликование, видимо, не потому, что формула была неизвестной, а потому, что они слышали ее из уст тех самых римлян, которых в Элладе прежде считали варварами и поработителями¹³. По всей вероятности, римский сенат достиг своей цели: представление о римлянах у греков коренным образом изменилось.

Весьма показательна эпитафия Алкея Мессенского (Anth. Pal. XVI. 5), относящаяся к этому времени:

Некогда Ксеркс приводил на Элладу персидское войско,
И из Италии Тит войско с собою привел.

¹¹ Holleaux M. *Rome and Macedon: The Romans against Philip* // САН. Cambridge, 1930. V. 8. P. 160—166; Bickermann E. *Les préliminaires de la seconde guerre de Macédoine* // *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes*. P., 1935. V. 61. P. 165; McDonald A. H., Walbank F. W. *The origins of the Second Macedonian War* // *Journal of Roman Studies* L. 1937. V. 27. P. 194—197; Walbank F. W. *Op. cit.* P. 131, 134; Will E. *Histoire politique du monde hellénistique* (323—30 av. J.-C.). Nancy, 1982. V. 2. P. 133—134.

¹² Heidemann M.-L. *Op. cit.* S. 22 ff.

¹³ Gruen E. S. *Op. cit.* P. 146.

Но если первый стремился ярмо (*δοῦλον ζυγόν*) наложить
(*θητῶν*) на Европу, —

Освободить от ярма (*ἀμλαγῶν δούλοισιν*) хочет Элладу
второй.

(Пер. Л. Блуменау).

Здесь римляне сравниваются с персами — классическим типом варваров — и выгодно от них отличаются¹⁴.

У Полибия и в некоторых надписях греки называют Фламиния *εὐεργετής καὶ σωτήρ* или просто *σωτήρ*¹⁵. Кажется, здесь создается культ правителя; и тем самым, римский полководец приравняется к эллинистическому правителю.

Римляне умело использовали различные способы для передачи лозунга: письма правителям и городам, посольства, прямое провозглашение свободы при большом стечении представителей греческих полисов (как это было на Истмийских играх в 196 г. до н. э.). Своим объектом римская пропаганда имела не только правящие круги отдельных эллинистических государств и городов, но и целые народы, что, в частности, свидетельствует о международном характере отношений в Восточном Средиземноморье этого времени.

Важно отметить, что лозунг освобождения применялся римлянами на греко-эллинистическом Востоке наряду с другими пропагандистскими средствами. Так, во время войны с Персеем римские послы отправились по городам Пелопоннеса явно пропагандистскими целями: показать мягкость и благосклонность сената — *τὴν τῆς συκλήτου πραότητα καὶ φιλοφροσύνην*, а также дать понять грекам, что римляне в равной степени недовольны как теми, кто уклоняется от дружбы с ними, так и своими противниками (Polyb. XXVIII. 3, 3—5). Это было эффективное средство, поощрявшее деятельность проримских группировок в полисах Эллады.

Если сопоставить содержание лозунга освобождения греков с той реальной политикой, которую Рим проводил под этим лозунгом, то становится очевидным его пропагандист-

¹⁴ Walbank F. W. *Alcaeus of Messene, Philip V, and Rome* // *Classical Quarterly*. L., 1943. V. 37. P. 2—3; Heidemann M.-L. *Op. cit.* S. 36.

¹⁵ Polyb. XVIII. 46, 12; IG. XII. 9. 931; Syll.³ 592; cf. Liv. XXXIV, 50, 8.

ский характер. В исследовательской литературе неоднократно отмечалось, что римляне поддерживали в Греции те группировки, которые ориентировались в своей политике на Рим; и это было, как правило, представители олигархических кругов греческих полисов¹⁶, хотя имелось немало исключений — политическая картина Эллады того времени была многокрасочной! В любом случае сенат оставлял за собой право трактовать содержание лозунга¹⁷. Достаточно вспомнить, какую волну возмущения со стороны большинства граждан Беотии вызвало вмешательство римлян во внутренние дела этого греческого государства¹⁸.

Накануне римско-сирийской войны на собрании магнатов Еврилох, занимавший высокую должность стратега (магнетарха), в пылу речи высказал вполне справедливое мнение, что город Димитриада только с виду свободен, а в действительности здесь все творится по мановению римлян (Liv. XXXV. 31)¹⁹.

Античные авторы сообщают об успешном использовании Римом лозунга освобождения греческих полисов Малой Азии в борьбе с сирийским царем Антиохом III; и современные исследователи подробно изучили этот исторический сюжет²⁰. Однако есть свидетельства, позволяющие судить о том, что римляне применяли отдельные элементы формулы освобождения и после Антиоховой войны (192—188 гг. до н. э.). Например, во время третьей римско-македонской войны для

¹⁶ См., например, Журавлев Ю. Е. Указ. соч.; Heide mann M.-L. Op. cit. S. 44; cf. Holleaux M. Op. cit. P. 195.

¹⁷ Scullard H. H. Roman politics: 220—150 B. C. Oxford, 1973. P. 108.

¹⁸ Polyb. XVIII. 43, 8; о дальнейших трагических событиях в Беотии см. *ibid.* XX. 4—6.

¹⁹ Cf. Heide mann M.-L. Op. cit. S. 62—63. Джэкоб Ларсен, задавшись выяснением вопроса «Была ли Греция свободна и в период с 196 по 146 гг. до н. э.?» (а именно так называется одна из его статей — см. Larsen J. A. O. Was Greece free between 196 and 146 B. C.? // *Classical Philology*. 1935. V. 30. P. 193—214), пришел к выводу, что если Эллада и была свободна, то она была свободна только поступать так, как того желал Рим (*ibid.* P. 209). Такого же мнения придерживался Морис Олло, считая, что в «освобожденной» Элладе (в 194 г. до н. э.) большинство государств, хотя и в различной степени, были зависимы от Рима (Holleaux M. Op. cit. P. 195).

²⁰ Holleaux M. Rome and Antiochus // *CAH*. Cambridge, 1930. V. 8. P. 199—240; Heide mann M.-L. Op. cit. S. 48—76; Walbank F. W. Philip V of Macedon. P. 186—221; Scullard H. H. Op. cit. P. 128 ff.; Will E. Op. cit. P. 195—223; Bengtson H. *Griechische Geschichte; Von den Anfängen bis in die römische Kaiserzeit*. München, 1979. S. 457—462; Gruen E. S. Op. cit. V. 1. P. 148—152; *ibid.* V. 2. P. 538—550.

восстановления свободы (*in libertatem*) города абдеритов римский сенат отправил в Грецию своих уполномоченных (Liv. XLIII. 4, 12). Это произошло лишь после того, как абдерские послы поведали сенаторам о бесчинствах римских полководцев. В столь неприятной для римлян ситуации потребовалось пропагандистское средство, и его вновь использовали.

В новейшей литературе лозунг освобождения греков обычно рассматривается как средство именно римской дипломатии; между тем в первой половине II в. до н. э. он, по-видимому, широко применялся многими эллинистическими правителями и некоторыми греческими городами. Это касается не только Антиоха III, который, прибыв в Европу накануне римско-сирийской войны, взял на себя, как сообщает Полибий, решение двух трудных задач: *την τε των Ελληνων ελευθεροσιν* и вести войну против римлян (Polyb. XX. 8, 1; cf. Liv. XXXV. 32).

В противовес Риму на этот лозунг ссылаются этолийцы (Liv. XXXIV. 23, 8—10). Их контрпропаганда оказалась весьма эффективной: не без ее влияния, а также из-за все возрастающего в греческом мире недовольства римским военным присутствием сенат был вынужден вывести свои войска из Эллады в 194 г. до н. э. — на этом настоял «освободитель греков» Тит Кв. Фламиний (Liv. XXXIV. 43; 48—50; Diod. XXVIII. 13). Если верить Плутарху, именно этолийцы посоветовали Антиоху III в качестве предлога (*προφασιν*) для войны с римлянами избрать освобождение греков — *ελευθεροσιν τους Ελληνας* (Plut. Tit. 15,1).

По всей вероятности, к лозунгу освобождения греков обращался в своей политике Филопемен. После того как этот видный политический деятель присоединил к Ахейскому союзу Спарту, спартанские аристократы надеялись обрести в лице Филопемена стража свободы — *φυλακα της ελευθεριας* (Plut. Phil. 15, 5). Даже если предположить, а это маловероятно, что ахейский стратег был непричастен к тому, что говорили и думали знатные лакедемоняне, и что в его политическом лексиконе не было терминов из формулы освобождения греков, приводимый Плутархом факт позволяет все же судить о том, насколько широко был распространен среди населения Эллады этот пропагандистский стереотип.

Римляне, по утверждению Персея, открыто стремились поработить Македонию — *Macedoniam in servitutem petere* (Liv. XLII. 52, 15—16). И царь в войне с ними, как и его отец Филипп V, рассматривал себя человеком, который освободит мир (*orbem terrarum*) от владычества римлян — *ab imperio Romano* (Liv. XLII. 50. 9).

К сожалению, характер дошедших до нас источников таков, что не позволяет во всей полноте проследить использование этого лозунга правителями эллинистических государств и отдельными греческими полисами.

Закономерен вопрос: почему борьба римлян с эллинистическими царями — Филиппом, Антиохом III, Набисом, Персеем и др. — под лозунгом освобождения греков оказались столь успешной? Не последнюю роль в этом сыграло то, что римляне, как правило, всегда верно соотносили свою пропаганду с реальной политической действительностью; даже в противоборстве с сильными противниками им удалось разумно сочетать различные средства внешней политики: военные, политические, идеологические. Этого нельзя сказать о внешнеполитической деятельности эллинистических царей в первой половине II в. до н. э. Так, Антиох III, по-видимому, слишком поверив в эффективность пропаганды в городах Греции и забыв о важности других средств, стал жертвой своей веры²¹. Ведь неслучайно великий полководец — замечательный стратег и тактик — Ганнибал порицал сирийского царя за то, что тот, готовясь к войне с Римом, не уделяет должного внимания своей армии (Liv. XXXVI. 7).

Таким образом, лозунг освобождения греков был весьма распространенным идеологическим (пропагандистским) средством в межгосударственных и международных отношениях Восточного Средиземноморья как в III в., так и в I-й половине II в. до н. э.²² Для римлян, которые взяли на вооружение этот эллинистический лозунг и смогли мастерски применять его во внешней политике, он стал одним из наиболее эффективных средств, позволивших Риму достичь своих целей на греко-эллинистическом Востоке в первой половине II в. до н. э.

²¹ Cf. Heidem ann M.-L. Op. cit. S. 70.

²² Мнение Эриха Грюна о том, что практика применения этого лозунга существовала в эллинистическом мире вплоть до конца II в. до н. э. (op. cit. P. 156), хотя и представляет интерес, но источниками почти не подтверждается.